

Сто лет кризису, или Компаративный взгляд экономиста на государственную политику С.Ю.Витте и В.В.Путина в условиях мировых экономических кризисов

А.ДЕГТЯРЕВ

Кризис 2008 года – наступаем на те же грабли...

Кризисы в своей основе имеют диспропорции товарно-денежного хозяйства, возникающие вследствие индивидуалистских действий экономических агентов. Следовательно, они имманентны капиталистической системе хозяйствования и неизбежны в силу цикличности ее развития.

Во второй половине 2008 г. мировая экономическая система наглядно продемонстрировала все основные признаки кризиса: потрясения мировой финансовой системы, в том числе банкротство крупнейших банков; обвал фондового рынка; стремительное снижение цен на нефть и металлы; рост безработицы по всему миру; резкое снижение потребления; массовая кредиторская задолженность – перекредитованность заемщиков. Национальные экономики большинства стран Старого и Нового Света существенно замедлили свой рост, а некоторые вступили в период рецессии¹.

Начало 2008 года, казалось, не предвещало ничего плохого. Напротив, наблюдался устойчивый экономический рост практически по всем векторам экономики на фоне растущих цен на углеводородное экспортируемое сырье и снижающихся процентных банковских ставок западных кредитных учреждений, к тому времени уже начавших испытывать сужение кредитного портфеля². Однако развивающиеся рынки, в том числе и Россия, не смогли переломить тенденцию рецессии капиталистических экономик ведущих стран мира – сателлитов мирового «тяжеловеса» США, и ожидания теории декаплинга (о «локомотивах» мировой экономики) не оправдались. Падение цен на энергоресурсы и металлы (основные статьи российского экспорта), начавшееся со второй половины 2008 года, окончательно сделало процесс необратимым, ибо втрое упавший приток нефтедолларов дополнился оттоком инвестиций, а дешевые кредиты обернулись дорогими долгами.

К особенностям современного кризиса следует, безусловно, отнести следующие обстоятельства. Современный кризис носит системный характер, затрагивает

Дегтярев Александр Николаевич, д-р экон. наук, профессор, ректор Уфимской государственной академии экономики и сервиса

¹ На 17,3 % сократилось промышленное производство в еврозоне в январе 2009 г. по сравнению с тем же периодом прошлого года. По сравнению с декабрем 2008 г. сокращение производства составило 3,5 % (в Германии, которая является лидером европейской экономики, на – 7,5 %), а за год – на 11,8 %. Согласно прогнозу Еврокомиссии, ВВП еврозоны в этом году упадет на 1,9 % [30, 4].

² Впечатляюще выглядят темпы роста основных макроэкономических показателей России за 2000–2008 гг., а именно 182,1 % ВВП, промышленного производства – 163,5 %, продукции сельского хозяйства – 147,5 %, инвестиций в основной капитал – 301,8 %, реальных доходов населения – 252,2 %. Однако по сравнению с «дореформенным» 1990 г. рост был значительно «скромнее»: 109,5; 82,4; 85,5; 66,7; 82,1 % соответственно [22, 29].

Окончание. Начало в № 3/2009.

практически все стороны социально-экономической жизни стран и предполагает качественное обновление технико-технологической базы экономики на инновационной основе. Кроме того, вследствие политики аутсоринга («outsourcing») глобализация привела к выводу из стран Запада в развивающиеся азиатские регионы с дешевой рабочей силой многих производств, изменив их (Запада) долю финансового обслуживания в структуре ВВП. Так, за последние полтора десятка лет она увеличилась в США с 17 до 25 %, а в Европе с 14 до 28–29 % [21, 27].

Строительство и продажа домов стали во многих странах Запада одним из основных источников увеличения национального дохода за счет быстрого роста цен на недвижимость. Однако дешевое кредитование под 80–100 % стоимости домов при длинном «плече» в 25–35 лет привело к рассогласованию уровней реальных доходов граждан и их просроченной задолженности по кредитам в условиях вздутых цен на недвижимость – начался кризис «финансовых пузырей».

Проблемы ликвидности банков в части просроченных задолженностей, другие проблемы, возникшие в сфере использования финансовых инструментов, государства начали решать за счет эмиссии своих валют, в частности, США – в 2008 г. в объеме до 1,3 трлн дол., а по плану в 2009 г. – до 3,0 трлн дол. [21, 32].

К особенностям современного кризиса, без сомнения, относится также фактор моновалютности мировой финансовой экономической системы, основанной на американском долларе как основной резервной валюте. Так, к примеру, долларовые активы Китая достигают сегодня, по различным оценкам, суммы от 1,2 до 1,7 трлн долларов. Российский Стабилизационный фонд и Фонд будущего развития, составлявшие в докризисный период 500 млрд дол. США, размещены и застрахованы в западных банках и страховых компаниях, что делает нашу страну, как и большинство других стран мира, по-существу, заложницей процессов, происходящих в американской финансово-экономической системе, составляющей около 1/5 доли мирового ВВП.

Совершенно очевидно, что на сегодня ни эмитент главного мирового платежного средства – США, ни одна другая страна мира не смогут дать точную оценку величине долларовой массы, находящейся в обращении во всей мировой экономике. И поскольку ясно, что бесконтрольно увеличивающаяся масса бумажных денег, видимо, в несколько раз превышает все мировые материальные активы, то рано или поздно этот долларовый «пузырь» должен лопнуть. Возможно, текущий кризис мировой экономики – первое крупное «натяжение пузыря».

Не случайно на мировом саммите G–20 в Лондоне ведущие страны Европы, Азии и Россия впервые заговорили о новой наднациональной мировой валюте или подконтрольных МВФ региональных валютах.

По мнению специалистов, это позволит поставить под более жесткий контроль мировые финансовые рынки, где сегодня преимущественно «торгуются» не реальные ценности, а деривативы (производные финансовые институты – опционы, фьючерсы, форварды), используемые для получения спекулятивной прибыли» [23, 17], все больше раздувая мировой финансовый «пузырь».

Анализ причин кризиса, проводимый специалистами во всем мире, показал, что он начался именно в финансовой системе Запада. «Эффект бабочки», имевший место в ипотечной программе недвижимости США, «сдетонировав», спровоцировал взрыв и привел к потоку неплатежей в рамках всей финансовой системы крупнейшей мировой экономики, запустив тем самым мультипликативный эффект кризиса финансовой системы во всем мире.

О механизме формирования финансового «пузыря» хорошо и ясно сказано в «Капитале» К.Маркса: «С развитием капитала, приносящего проценты, и кредитной системы всякий капитал представляется удвоенным, а в некоторых случаях даже утроенным вследствие разных способов, благодаря которым один и тот же капитал или одно и то же долговое требование появляется под различными формами в

различных руках. Большая часть этого «денежного капитала» совершенно фиктивна. Все вклады, за исключением резервного фонда, представляют не что иное, как долговые обязательства банкира, и никогда не существуют в наличности. Поскольку они служат для жирооборота, они функционируют как капитал для банкиров, после того как эти последние отдадут их в ссуду. Банкиры расплачиваются друг с другом свидетельствами на несуществующие вклады, взаимно списывая со счетов эти долговые требования» [18, 519]. Ну что тут скажешь, кроме сакраментальной фразы: «Ничто не ново под луной...».

Связующим звеном в этой сложной, но объяснимой цепочке причинно-следственных явлений оказались инновации в сфере финансового бизнеса, который стал основой новой экономики высокоразвитых стран и приобрел все черты виртуальной экономики. Теперь товарные рынки зависят в большей степени не от объемов спроса и предложения, а от трендов мировых финансовых рынков, использующих в качестве предметов торговли вторичные финансовые инструменты. Яркий пример – один из крупнейших с точки зрения влияния на мировую экономику рынок нефтепродуктов, который зачастую не коррелирует с реалиями ни энергопотребления, ни добычи энергоресурсов. Мировой экономикой стали, по сути, управлять финансовые брокеры и топ-менеджмент ведущих финансовых компаний, преследующие достаточно узкие цели.

Как пишет В.Мау: «в условиях инновационного финансового бума экономическая и политическая элита утратила контроль за движением финансовых инструментов. Поэтому нынешний кризис можно определить как «бунт финансовых инноваций – бунт машин против своих создателей» [19, 7].

Предвестником понижательных трендов в экономиках развитых стран были также беспрецедентные темпы экономического роста большинства экономик мира, обеспечившие с начала XXI века увеличение мирового ВВП на 25 %. И поскольку мировая структура перераспределения производства благ и их потребления устойчиво ориентировалась на страны «золотого миллиарда», чьи медленно растущие экономики (1,5–2,5 % ВВП) потребляли в десятки раз больше, чем зарабатывали, наметилась тенденция серьезных диспропорций в производстве и потреблении внутри этих стран.

Так, США, население которых составляет около 5 % населения земного шара, потребляют сегодня от 30 до 40 % мировых извлекаемых ресурсов. Личное потребление также значительно превысило стоимость «заработанных» гражданами США произведенных благ. Множество из этих благ стало приобретаться в долг, который из-за устойчивого дефицита бюджета США в последние годы (например, в 2007 г. свыше 700 млрд дол.) покрывался путем внешних заимствований в виде продаж долговых обязательств, которые посредством страхования через так называемые хедж-фонды обретали статус производных финансовых инструментов – деривативов, все больше надувавших финансовые «пузыри» виртуальных денег.

Синтез фондовых рынков и информационных технологий превратил эту систему, по мнению академика НАН Украины Ю.Пахомова, во «всемирное казино» биржевых игр, где игроками стали десятки государств, сотни банков, тысячи фирм и миллионы людей [25, 41].

О масштабах этой игры можно судить по следующим цифрам: уже в 2007 г. объемы деривативов, имевших хождение на фондовых рынках США, достигли 46 трлн дол. (втрое больше ВВП США), а в целом по миру эти цифры пугающе велики: 530–600 трлн дол. против 58–60 трлн дол. соответственно.

К основным внутренним причинам кризиса в России специалисты относят следующие факторы. В первую очередь «перегрев» экономики деньгами вследствие высоких доходов от продажи нефтепродуктов и неограниченного кредитования бизнеса – так называемая «голландская болезнь». Дешевое кредитование российского бизнеса странами Запада в годы экономического роста на фоне высоких ставок по кредиту в

России привело к колоссальному росту объема внешней задолженности РФ: со 150 млрд дол. (при соотношении 4:1 между государственной и коммерческой задолженностью) до суммы в 500 млрд дол. в 2008 году (при соотношении соответственно 1:15). К примеру, задолженность только «Русала» (алюминиевой корпорации О.Дерипаски) составила 14 млрд дол. Скорее всего, как остро подметил В.Мау, в сфере ведущих российских экономических компаний всегда присутствовал принцип «приватизации прибылей и национализации убытков» [19, 11].

Крупной ошибкой российских компаний при осуществлении займов в зарубежных кредитных учреждениях была залоговая система кредитов, потребовавшая при обесценении их акций в условиях кризиса пополнения из несуществующих активов или нового заимствования, в то время когда банковская система уже входила в фазу массового банкротства. Однако благодаря оперативным действиям Правительства и Центробанка РФ «подушка безопасности» – Стабфонд сработала, спасая и российскую банковскую систему от коллапса, и ведущие компании страны от разорения и скупки за бесценок иностранным капиталом их активов за долги.

К числу важнейших факторов, безусловно, относится и опережающий рост финансового сектора экономики по сравнению с реальным производством, где не обеспечивалась системная корреляция между ростом производительности труда и доходами, которые выросли за «семилетку» экономического роста в 5,5 раза при приросте ВВП на 72 %, в том числе в сфере промышленного производства на 64 % [23, 19].

Рост доходов и дешевые кредиты очень быстро привели значительную часть населения к гипертрофии потребления, что не замедлило сказаться в силу низких производительности труда и качества отечественной продукции, производимой к тому же на устаревшем оборудовании, на безудержном росте импорта – от 10 до 15 % в год при росте отечественного машиностроения в пределах 3–4 %.

Самым тяжелым последствием кризиса стала массовая безработица. Число безработных в России выросло к марту 2009 года до 6,5 млн человек (8,5 % экономически активного населения страны). По прогнозам, эти цифры могут достичь уровня 7,5 млн человек, то есть соответственно 10 %. Плюс к этому 1,5 млн человек, работающих на условиях неполной занятости, что отбрасывает рынок труда России к концу 1990-х годов.

Ученые констатируют, что экономический «закон Оукена», описывающий отрицательную связь между темпами экономического роста и уровнем безработицы, теперь работает и в России. Только радости от этого мало. Социально-экономические последствия развития сценария по самому пессимистическому варианту очевидны: деградация человеческого капитала, социальная и политическая напряженность, рост преступности, угроза безопасности страны и удар по последующим поколениям. Допустить это нельзя.

На первом этапе кризиса, к концу 2008 г., российское правительство предприняло аналогично другим развитым странам ряд мер денежно-кредитного регулирования в объеме до 9 трлн руб., что составило около 22 % ВВП (для сравнения: аналогичные меры в США составили 25 %, в Великобритании – 37 % ВВП) [2, 46].

При этом учитывалась также ситуация с валютным курсом рубля, от которого зависела и текущая непогашенная внешняя задолженность РФ. Варьирование «на острие ножа» – между социальной опасностью дефолта, сохраняющегося в памяти россиян с 1998 г., и коллапсом всей финансово-экономической инфраструктуры государства в условиях современного кризиса – это характерная для конца 2008 – начала 2009 гг. политика Правительства России.

Использование государственных ресурсов из золотовалютных резервов и Стабфонда для преодоления кризиса не было оригинальной находкой российского правительства. Практически все страны мира, чьи экономики в значительной степени

затронул кризис, используют государственные ресурсы для его преодоления, то есть предотвращения глубокого спада производства и рецессии, а также разрушения мировой банковской системы. В целом 50 ведущих стран мира уже израсходовали на антикризисные меры свыше 4 трлн дол. (то есть около 7 % планетарного ВВП) [17, 5].

Опасность дефляционных процессов в недавно успешных экономиках стран Запада потребовала применения непопулярных для капиталистов-рыночников правительственных мер. «Левый разворот» в действиях капиталистических государств в виде предоставления ликвидности и фактической национализации ряда крупных банков и компаний с целью их спасения, бюджетных вливаний в корпоративный сектор экономики и другие меры иллюстрируют масштабы катастрофы, в которой оказалась мировая экономика.

Особую роль в стремительном развертывании масштабных кризисных явлений в экономике нашей страны сыграла нефтегазовая отрасль. Во-первых, в силу высокой степени монополизации соответствующих рынков, что, как известно, приводит к слабоконтролируемым государством ценам на углеводородное топливо и ведет к увеличению транзакционных издержек подавляющего числа субъектов экономики¹. По мнению специалистов, «монополизм и экономический кризис обуславливают, поддерживают и усиливают друг друга» [27, 62]. Во-вторых, по причине доминирующей роли этой отрасли в формировании бюджета страны и ее экспорта². Падение цен на нефтепродукты при той роли, которую ТЭК играет в формировании бюджета России (налоговые поступления от ТЭК составляют более 50 %), привело к секвестированию практически всех основных бюджетов и как следствие – к оттоку средств во всех секторах экономики народнохозяйственного комплекса.

В октябре 2008 г. индекс фондового рынка РФ RTS понизился на 70 %, акции ведущих нефтегазовых компаний упали на 2/3 от их прежней стоимости, а металлургических гигантов до 85 %, капитализация большого числа российских компаний уменьшилась в 5–10 раз.

Известная исстари на Руси поговорка «Что русскому хорошо – немцу смерть» сработала в данном случае ровно наоборот: вынужденное снижение цен на нефтепродукты из России обернулось для Европы благом в условиях кризиса, но усугубило ситуацию в нашей экономике.

Пакет основных антикризисных мер денежно-кредитной политики правительства В.В.Путина включал мероприятия по: обеспечению ликвидности банковской системы в сочетании с санацией банков-банкротов и их реформированием; введению нормы госгарантии стопроцентной сохранности вкладов физических лиц в размере до 700 тыс. руб.; реализации политики «управляемой девальвации», то есть контролируемого и постепенного ослабления рубля; адресной поддержке системообразующего корпоративного бизнеса.

Однако меры правительства по преодолению кризиса поначалу оказались половинчатыми и малоэффективными, а деньги, направленные в реальный сектор

---

¹ «Первая пятерка» нефтяных компаний – «Роснефть», «ЛУКОЙЛ», ТНК-ВР, «Сургутнефтегаз», «Газпромнефть» – добывает свыше 75 % нефти. В России действуют 20 нефтеперерабатывающих заводов, подавляющее большинство из которых также принадлежит «первой пятерке». В итоге 85 % нефтепродуктов поставляется на российский рынок вертикально интегрированными компаниями [27, 43–64].

² *Справочно:* за период 2000–2007 гг. удельный вес природных ресурсов и продуктов их первичной переработки в общей структуре экспорта страны составлял от 78,2 % в 2002 г. до 85,5 % в 2006 г., при этом более 50 % доходов бюджета формировалось за счет ТЭК. В то же время на долю товаров высокой степени переработки, в том числе машин и оборудования, приходится всего около 6 % экспорта [23, 19].

экономики через банковскую систему, серьезно «секвестированы» посредством банковских валютных операций, лишь после личного вмешательства Премьера они начали поступать по назначению. Такие явления, к сожалению, весьма характерные для нашей страны, стали следствием отсутствия четкого и прозрачного механизма обеспечения и контроля централизованных денежных потоков «кровообращения» экономики страны.

Как известно, наиболее субсидируемой отраслью в мире в условиях кризиса стало автомобилестроение, куда по оценкам Всемирного банка в 2008 г. было направлено около 50 млрд долларов. Россия также не стала исключением в этой протекционистской политике, включив ВАЗ в число приоритетных автомобилестроительных компаний, учитывая кроме собственно экономической составляющей проблемы и то, что на заводах этой корпорации работают свыше 130 тыс. россиян.

К другим протекционистским мерам относится, как известно, повышение ввозных пошлин на металлы и комплектующие изделия, продукты питания и др., а также ограничение квот на использование иностранной рабочей силы. Все это характерно не только для современной России, но и, как мы уже знаем из первой части данной статьи, для периода деятельности С.Ю.Витте.

В результате своевременных и энергичных действий Правительства России в финансовой сфере критический момент кризиса (октябрь-ноябрь 2008 г.) в банковской системе страны был преодолен. При этом Государственная Дума РФ оперативно и адекватно реагировала на предложения Правительства, создавая необходимую институциональную основу для действий Центробанка, что позволило России избежать краха банковской системы, а стало быть, и всей экономики. В значительной мере этому способствовала и «мягкая» девальвация национальной валюты.

В этой связи правильными представляются спорные на первый взгляд решения Центробанка по сохранению в этот сложный период высоких процентных ставок по кредитам, сдерживавших увеличение кредитного портфеля для любителей спекулятивных сделок. Разумеется, после острой фазы кризиса эти ставки должны быть снижены для того, чтобы не «убить экономику» и дать возможность российским компаниям оживить потоки оборотных средств – кровеносные сосуды бизнеса.

Вместе с тем естественные в такой непростой ситуации серьезное снижение капитализации банков и просроченная задолженность крупных компаний – заемщиков средств потребовали дополнительных широкомасштабных действий российского правительства в отношении системообразующих отраслей и отдельных ключевых компаний, то есть адресной господдержки отечественного бизнеса.

Например, поддержка ТЭК необходима уже потому, что в рамках этой экономикообразующей сферы осуществляются ряд стратегически важных государственных инвестиционных проектов и программ, связанных с транспортом нефтепродуктов во все основные мировые центры экономики (нефте-, газопроводы, новые терминалы и др.). Учитывая их огромную стоимость и достаточно длительный период реализации, здесь нужны не краткосрочные кредиты, а стабильное поступление «длинных денег».

Резкое снижение инвестиций (в том числе иностранных) требует эффективной поддержки государства, ибо от успешности реализации этих проектов будет зависеть в конечном итоге его безопасность. Поддержка отечественного бизнеса осуществляется правительством в виде перекредитования компаний за счет средств золотовалютного резерва страны, приобретения привилегированных (без права голоса) акций предприятий за счет средств Пенсионного фонда и федерального бюджета, что должно обеспечить поступление в реальный сектор экономики остро необходимых ему долговременных денег.

Вынужденной, непопулярной у населения, но крайне необходимой в условиях кризиса мерой, принятой в целях обеспечения устойчивых налоговых поступлений в государственную казну от естественных монополий, стало увеличение тарифов на газ, электроэнергию, железнодорожные перевозки, жилищно-коммунальное хозяйство и др. Последствия этих

шагов известны – рост цен, что бьет по карману потребителя, но в противном случае страна была бы вынуждена направлять и сюда свои золотовалютные запасы, вместо того, чтобы употребить их на поддержку и стратегическое развитие производительных сил, или вновь влезать в долги к МВФ и другим заграничным финансовым институтам.

Резюме

Начало XX в. знаменовало переход лидерства в экономике от Старого Света к Новому в лице усиливающихся США. Начало XXI в., как показал Лондонский саммит «двадцатки», стало эпохой «начала конца» мировой гегемонии этой сильнейшей экономики XX века. Существует точка зрения, согласно которой главной причиной современного кризиса является реакция мировой экономики на глобализацию. Поэтому, видимо, лидеры ведущих стран, по сути, провозгласили в качестве нового императива мироустройства не глобализацию «по-американски», а регионализацию. Россия также заявила о своих намерениях более активно влиять на мировые процессы, используя свой энергетический потенциал, а также стремление вывести рубль на уровень мировой региональной валюты.

Кстати, в 1933 г. в том же Лондоне в разгар Великой депрессии состоялся международный саммит ведущих капиталистических государств мира – Денежная и экономическая конференция, на которой также не был достигнут международный консенсус о будущем мироустройстве, что в конечном итоге и привело ко Второй мировой войне и превращению США в мощнейшую мировую державу. Но знаменитая американская формула «доллар – наша валюта и ваша проблема» перестала устраивать остальной мир.

Современный кризис отражает глубинные процессы – конкурентное соперничество цивилизационных ценностей и означает начало конца однополярного мира. Мировое сообщество не должно быть заложником госполитики одного мирового центра, поскольку, как отметил в своем докладе на XIII Петербургском международном экономическом форуме Президент России Д.А.Медведев, именно «искусственно поддерживаемая однополярность, сохранение монополий в ключевых субъектах мировой экономики являются фундаментальными причинами глобального финансово-экономического кризиса».

Миру нужна здоровая экономика, основанная на финансовой политике, контролируемой всем мировым сообществом.

Сравнение антикризисных мер, предпринимавшихся в свое время С.Ю.Витте и ныне – В.В.Путиным, не только свидетельствует об исторической преемственности государственной политики правительства в разные эпохи, но и наводит на мысли о возможных путях посткризисного развития России.

Как мы помним, начало XX века ознаменовалось утверждением нового, третьего технологического уклада, основанного на машинной технике в сочетании с прорывом в электроэнергетике и знаковых открытиях в естественных науках.

Думается, что сейчас тоже подходящее время для формирования новых путей развития России, которые позволили бы усилить мирохозяйственные позиции страны на новой основе. Думается, что важнейшим фактором выхода России на новые горизонты социально-экономического развития должна стать активная научно-техническая и структурная политика государства, имеющая целью перестройку экономики на основе нового (шестого) технологического уклада, основанного на информационных и нанотехнологиях.

Как считает академик РАН С.Глазьев, «при правильной политике в результате кризиса Россия могла бы существенно улучшить свое положение в мировой экономике, добившись признания рубля в качестве одной из мировых валют, многократного повышения мощности отечественной банковско-инвестиционной системы, опережающего становления нового технологического уклада и подъема экономики на длинной волне его роста» [8, 10]. По мнению этого известного ученого, достижение

такого тройного эффекта возможно на основе формирования эффективной отечественной инвестиционной системы. К числу важнейших послекризисных мероприятий, нацеленных на предотвращение или сглаживание отрицательных эффектов последующих кризисов, многие специалисты относят также необходимость создания единой платежной системы в рамках ЕврАзЭС и СНГ, переход к продаже российской нефти и газа за рубли, увеличение доли золота и других благородных металлов в структуре валютных резервов страны и др.

Известная программа Правительства и ведущей политической силы страны – партии «Единая Россия», лидером которой является В.В.Путин, «Стратегия – 2020» предполагает переход российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному пути развития. Однако сегодня доля России на высокотехнологичном мировом рынке (6–9 млрд дол.) составляет всего 0,2–0,3 % (для сравнения: США – 35 %, Китай – 15 %), что обуславливает в целях достижения поставленной задачи необходимость в 2–3 раза увеличить эффективность нашей экономики и в десятки раз – ее высокотехнологичный сектор.

Настоящий период важен для России, поскольку дает последний шанс для перехода к новому, шестому технологическому укладу, к которому стремительно переходят высокоразвитые страны мира, минуя промежуточные этапы пятого технологического уклада. Развитие прорывных технологических направлений: нанотехнологии, биотехнологии, информационно-коммуникационные технологии, технологии новых материалов – должно стать первостепенной задачей научно-технических инфраструктур и заботой государства.

Кроме того, нужно учитывать, что в связи с новыми прорывными технологиями в мире предполагается значительное снижение энергопотребления на основе традиционных углеводородных источников (по некоторым прогнозам, в 2030 г. – на 60 %), что неизбежно превратит главные нефтедобывающие страны в рядовых участников рынка, лишенных своих конкурентных преимуществ. Избежать этой незавидной судьбы Россия может только в том случае, если императивом государственной политики будет прорыв на базисных векторах нового технологического уклада.

Лишь переход государственной политики от инерционного типа к стратегическому планированию, формирование и утверждение ключевых факторов нового технологического уклада в сочетании с укреплением самодостаточной отечественной финансовой системой, опирающейся на внутренние источники долгосрочного кредитования предприятий и систему институтов стимулирования их инновационного развития, позволят России в ближайшие годы встать в ряды высокоразвитых и эффективных экономик нового мира.

Очевидно, с учетом этих новых реалий «Стратегия – 2020» должна быть оперативно скорректирована и стать своеобразной «дорожной картой» эффективного социально-экономического развития России на длительную перспективу, исключая или смягчающая возможные кризисные явления и риски, диктуемые вызовами XXI века, поскольку «цивилизованное общество, современная наука, очевидно, могут и должны выявлять накапливающиеся предпосылки разрушительных кризисов, прогнозировать их, предусматривать меры предотвращения и одновременно определять меры обновления экономики, социального прогресса» [20, 8].

Литература

1. Алексеев А. Кризис как предчувствие // ЭКО. – 2009. – № 3. – С. 25–42.
2. Андрюшин С., Кузнецова В. Состояние банковского сектора и антикризисные меры Правительства России // ЭКО. – 2009. – № 4. – С. 39–53.
3. Белоусов Р. Экономическая история России XX век. – М.: ИЗДАТ, 1999.
4. Бессолицин А.С. Витте и создание системы коммерческого образования в России // Вопросы экономики. – 2006. – № 7.

5. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. Фонд «Начала». – М., 1997.
6. Воронов Ю. Теоретический анализ причин кризиса (интервью с Карлом Марксом) // ЭКО. – 2009. – № 3. – С. 65–88.
7. Глазьев С. Кризис, антикризисные меры и стратегия инновационного народнохозяйственного развития в зеркале теории долгосрочной мегатехнологической динамики // Российский экономический журнал. – 2008. – № 12. – С. 3–9.
8. Глазьев С. Перспективы социально-экономического развития России // Экономист. – 2009. – № 1. – С. 3–18.
9. Гиндин И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю.Витте // Вопросы истории. – 2006. – № 12; 2007. – № 1–11.
10. Докладная записка Витте Николаю II // <http://www.Prometeus.nsc.ru/biblio/vitte/1990.ssi>
11. Игнатъев А.С. Ю.Витте – дипломат. – М.: Международные отношения, 1989.
12. История дипломатии / под общ. ред. Громыко А.А. – Т. II. – М.: Госполитиздат, 1963.
13. Казанцев С.В. Кризис рукотворный // ЭКО. – 2009. – № 2. – С. 2–22.
14. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. – М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2002.
15. Конотопов М.В. Экономическая история мира. – В 6 т. – М.: КНОРУС, 2008.
16. Кришталь В.В. На рубеже XIX–XX вв. С.Ю.Витте – принципиально новый тип чиновника-менеджера // Экономическое возвращение России. – 2004. – № 1. – С. 90–95.
17. Кушлин В. Факторы экономического кризиса и базис его преодоления // Экономист. – 2009. – № 3. – С. 3–12.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 25. – Ч. 2.
19. Мау В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. – 2009. – № 2. – С. 4–23.
20. Махмутов А. Мировой экономический кризис: что дальше? // Экономика и управление. – 2009. – № 1. – С. 5–14.
21. Медведев Р., Медведев Ж. Глобальный экономический кризис или исторический поворот? // ЭКО. – 2009. – № 4. – С. 20–38.
22. Нешиной А. Социально-экономические итоги 2000–2008 гг. // Экономист. – 2009. – № 2. – С. 28–36.
23. Нецадин А., Зазадравных А., Сорокоумов С. Стратегия в условиях кризиса // Общество и экономика. – 2008. – № 12. – С. 16–34.
24. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб.: Наука, 1999.
25. Пахомов Ю., Пахомов С. Мировой финансовый кризис: цивилизационные истоки // Экономист. – 2009. – № 2. – С. 37–51.
26. Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, периодические циклы. – М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2007.
27. Чирихин С. Экономический кризис и монополизм – союз нерушимый // ЭКО. – 2009. – № 3. – С. 43–64.
28. Фигуровская Н. Взгляды С.Ю.Витте на государственное хозяйство // Экономист. – 2008. – № 10.
29. Хубиев К. Особенности российского экономического цикла // Экономист. – 2009. – № 3. – С. 38–49.
30. Эксперт. – 2009. – № 11.